

Византийской империи не возымели желанного действия, хотя и не всегда оставались не услышанными. По крайней мере, Михаил Акоминат мог восхвалять своего брата Никиту за то, что он, как влиятельный при дворе человек, оказал и ему, епископу, и городу Афинам не одно благодеяние¹. В общем же благородные старания архиепископа разбивались о безнадежные обстоятельства империи и Греции, и даже сам он подвергался зависти и клевете со стороны разных негодяев.

В 1195 г. смерть похитила у Акомината великого его друга Евстафия, с которым он долгое время из Афин поддерживал письменные сношения. Он оплакал Евстафия, «как последний остаток золотой эпохи», и в восторженной надгробной речи воздвигал ему истинный памятник почтительной и нежной дружбы². Уединение Акомината в Афинах становилось все тягостнее, а отчаяние его все росло. Он жаловался, что его там позабыли, словно мертвеца. Подобно всем прочим византийцам, Михаил называет Афины «самым крайним уголком мира», чистым Тартаром, где он, Михаил, с товарищами имеет лишь тени и искупает свое отважное безумие за то, что отправился в Афины архиепископом³. Акоминат умолял влиятельных константинопольских друзей протянуть ему руку помощи и вывести его наконец из этого ада опять на свет Божий.

Желание Акомината покинуть Афины наконец осуществилось после 30-летнего управления им архиепископским столом в Акрополе; остаток жизни, однако же, ему пришлось провести среди больших еще бедствий — в ссылке. В то же время ужасная беда, пришедшая с Запада, постигла царство Комненов и, разгромив его, подчинило Грецию мечу латинских завоевателей.

¹ Монодия в честь Никиты. I, 348.

² Эта монодия за всем тем является, однако же, вычурным, фразистым произведением.

³ К патриарху Феодосию Ксифилину II, 101 и в других местах нередко.